

ПРОЕКТ ЛЕСНОГО КОДЕКСА враждебен интересам России

И. Шутов,

член-корр. РАСХН, д-р с.-х. наук, профессор,
СПбНИИЛХ

Проект Лесного кодекса (ПЛК) был внесен в Государственную Думу председателем Правительства РФ (распоряжение от 28.01.2005, № 84-р). Тем же распоряжением его лоббирование в обеих палатах Федерального Собрания поручено заместителю министра экономического развития и торговли РФ.

Уже в самой Государственной Думе ее Комитет по природным ресурсам своими решениями (№ 34.11 от 03.02.2005 и 3.12-13/76 от 04.02.2005):

- согласовал и направил проект как будущий федеральный закон обеим палатам Федерального Собрания России, Совету Государственной Думы, Президенту, Правительству России и еще многим органам государственной власти страны;
- определил, что отзывы и замечания по проекту могут поступать в Думу только до сентября 2005 года.

Таким образом, можно сказать, что в Государственной Думе практически все готово к тому, чтобы в стране в самый короткий срок появился имеющий силу закона новый Лесной кодекс РФ.

Содержание и качество Лесного кодекса касаются практически *каждого* гражданина России. Поэтому не может не показаться противоестественным то, что вышеуказанные действия произошли без предварительного публичного обсуждения ПЛК с гражданами России вообще, и в первую очередь с ее лесоводами, т. е. с профессионалами, знающими не понаслышке, что такое лесное хозяйство, каковы его главные цели и пути их достижения.

Несмотря на столь пренебрежительное отношение к людям моей профессии, я, лесовод с полувековым стажем, считаю себя и своих коллег обязанными недвусмысленно и публично высказать свое отношение к ПЛК, который в ближайшее время может стать законом России. Знакомство со многими предшествующими вариантами проекта Лесного кодекса и его последним текстом, подготовленными, очевидно, одной и той же командой анонимных неспециалистов лесного хозяйства, заставляет меня сказать, что в данной ситуации, напоминая весну 1917 года, граждане России не должны занять позицию, которую на бульварном жаргоне можно кратко охарактеризовать словами «пипл все схавает». Это «все», как лишенный дипломатической риторики вопрос «быть или не быть», относится к будущему лесного хозяйства страны, ее лесопромышленного комплекса и самих лесов России.

В России и других странах накоплен обширный объем знаний о лесах и о ведении лесного хозяйства при разных формах его экономической и административной организации. Нужны немалые усилия, чтобы освоить эту информацию. В этой статье приводятся сведения, позволяющие каждому гражданину самому, если не в деталях, то в основном, правильно оценить содержание нынешнего проекта Лесного кодекса.

© WWF России

О средообразующей роли и социальном значении наших лесов

В проекте отсутствует постановка политической задачи, обязывающей всех и каждого так вести хозяйственную и иную деятельность в наших лесах, чтобы они не перестали быть ландшафтообразующими доминантами на большей части территории страны. Изменения важнейших характеристик лесов и утрата ими былого биологического разнообразия меняют и ландшафты. Другими становятся условия, при которых возникли и сформировались этносы России. Хорошо, если у людей, уже позволивших поставить на себе многие опасные социально-экономические и экологические эксперименты, не разовьется что-то вроде массового синдрома неприятия новых условий жизни. А если именно так получится или уже случилось? Иные скажут: фантазия. Ответу — возможно. Только напомним о следующем.

- Не было раньше в России такого количества самоубийц (в том числе среди молодых людей).
- Против расчетов, выполненных еще Д. И. Менделеевым, население России за последние 100 лет не увеличилось до ожидаемого полумиллиарда, а напротив, уменьшилось на 100 млн человек.
- Площадь пашен России уже сократилась на 40 млн га. И это при том, что наши пашни — та самая земля-кормилица, на создание которой ушло больше лет, чем стоит сама Россия. Ради этой земли в разных войнах погибли миллионы людей. Теперь, брошенная, она превращается в бесполезный чапыжник. Как лесовод, не могу с горечью не сказать о том, что если бы эту землю хотя бы засадили лесом, страна могла бы иметь здесь, в своих обжитых районах, как минимум 160 млн м³ деловой древесины в год, получая от ее реализации доход на уровне 1,5–2,0 млрд долл. в год и еще многие рабочие места в организованных здесь же комплексных агролесопромышленных предприятиях. Только вот сделать это, видимо, некому, поскольку не заметны сегодня на общественном горизонте России люди с такой созидательной силой, какая была у некоторых Романовых, Строгановых, Ольденбургов, Уваровых, Фальц-Фейнов, Кенигов, Орловых, Морозовых, Третьяковых, Демидовых, Ломиковских и др. Леса России составляют около 10% поверхности суши Земли (это без Антарктиды). Казалось бы, немного. Однако именно в наших таежных (бореальных) лесах (а большая их часть находится в России, меньшая — в Северной Америке) мы имеем положительное сальдо в «работе» живых систем по консервации и диссимиляции органических веществ, образующихся за счет энергии Солнца. Результат: обогащение атмосферы кислородом.

сферы кислородом и сток из нее в почву двуокиси углерода (CO₂), вызывающей тот самый парниковый эффект, о возможных последствиях которого сейчас не слышали разве что малые дети.

Вышесказанное нельзя не дополнить упоминанием о водоохранной и водорегулирующей роли лесов. Эту роль лучше других выполняют наши хвойные и особенно темнохвойные деревья. На их кронах задерживается до 40 % осадков, а снег под ними весной сходит значительно медленнее. После того как в конце XIX — начале XX века помещики и крестьяне Московской губернии «хорошо рубанули» свои самые ценные хвойные леса, весной 1908 года под водой оказалась значительная часть самой Москвы.

В числе причин усилившихся в последние годы паводковых наводнений лесоводы уже давно называют сокращение площади хвойных лесов в бассейнах малых и больших рек. Этот вывод был сделан не на пустом месте, а на основе длительных наблюдений, экспериментов и расчетов, проведенных Н. С. Нестеровым, А. В. Побединским и другими исследователями. По этому поводу, надо сказать, власти страны с лесоводами не спорили и не спорят. Тем не менее уже многие годы в России рубили и продолжают рубить главным образом сосновые и еловые древостои. Да еще делают это так, что теперь примерно на половине площади вырубок растут не ель и сосна, а гнилые осинники и березняки. В итоге смена наших коренных хвойных лесов мелколиственными получила масштаб географического явления, что хорошо видно, если посмотреть на изменившийся цвет карт лесов разных лет. Последняя такая карта (спасибо ее авторам!), выпущенная в 2004 году по данным космической съемки силами ряда независимых организаций, отчетливо свидетельствует о том, что в нашем «зеленом море тайги» хвойные леса остались главным образом на северных и восточных окраинах, преимущественно в виде низкопродуктивных древостоев, да еще кое-где в виде недорубленных полосок и островков.

Лесоводы знают, как остановить и повернуть вспять процесс смены хвойных лесов мелколиственными. Чтобы реализовать эти знания, нужна четкая политическая установка на общегосударственном уровне. Однако в тексте проекта Лесного кодекса данная общегосударственная проблема и пути ее законодательного решения вообще не обозначены. Поэтому и впредь наводнения будут случаться в стране все чаще, как если бы они были кому-то нужны.

Нельзя не сказать и еще об одной важной средообразующей функции лесов — их влиянии на качество и количество питьевой воды. Те, кто просчитывает наше будущее, говорят, что не за горами время, когда хорошая питьевая вода будет стоить в некоторых регионах дороже нефти. Напомню в связи с этим, что оставшиеся еще не вырубленными в бассейне Байкала хвойные леса сберегают не только для нас, но и для многих других стран уникальное количество хорошей питьевой воды. Если безответственные люди, действуя под разными предлогами, не пустят на ветер это богатство, те, кто помоложе, наверное, смогут увидеть бутылки с байкальской водой на полках супермаркетов.

Завершая разговор о природоохранной функции лесов, необходимо подчеркнуть, что составители кодекса по сути

обошли эту проблему стороной, сведя ее к нечетким ограничениям в способах рубок в лесах специального назначения. В отношении же всех остальных лесов (а их подавляющее большинство!) в проекте даже не обозначены пределы, за границами которых используемые режимы и способы рубок леса, а также сроки и качество их возобновления должны рассматриваться и пресекаться как незаконные по экологическим и иным показаниям. Повторяя действующий Лесной кодекс (1997), проект нового кодекса перепоручает решение вышеназванных и иных основополагающих вопросов исполнительным органам власти. Таким образом, и тогда и сейчас Федеральное Собрание по существу освобождается от ответственности за качество и последствия всех проводимых в стране рубок леса, в том числе и хищнических, что, по моему мнению, в принципе неправильно. В связи с вышесказанным считаю полезным напомнить, что в Финляндии, в ее «Законе о лесе» (1996) есть §18 и 19, в которых четко названы санкции, применяемые в отношении нарушителей закона. В зависимости от нанесенного государству ущерба и величины извлеченной при этом выгоды предусматривается конфискация данной выгоды и даже тюремное заключение на срок до 2 лет.

Экономическая суть лесохозяйственного производства

Говорить об этом приходится потому, что иные наши руководители воспринимают лесное хозяйство всего лишь как территорию, в границах которой как-то само по себе возникает то, что они называют «возобновляемым сырьевым ресурсом», т. е. что-то вроде карьера с самовоспроизводящимся гравием. В подтверждение такой точки зрения один из видных министров СССР публично заявил, что лесоводы лесу вообще не нужны. Другой еще более известный политический деятель в ответ на просьбу рубить лес в меру, а не подряд высказался еще «круче», примерно так: вы, лесоводы, мешаете нам строить социализм.

© WWF России / Сергей КИЛЦЕНКО

В числе причин усилившихся в последние годы паводковых наводнений лесоводы уже давно называют сокращение площади хвойных лесов в бассейнах малых и больших рек

Увы, такие мысли не остались в нашем прошлом. Они не возникают сами по себе, но опирались и опираются на следующие распространенные «аргументы».

Увы, такие мысли не остались в нашем прошлом. Они не возникают сами по себе, но опирались и опираются на следующие распространенные «аргументы».

Первый. Леса могут расти и без нас, т. е. там, где людей вообще не было и нет. Посылка эта верна, но только с определенными уточнениями. Как сложнейшая живая система с множеством деревьев разного возраста и бесчисленным количеством сопутствующих им существ, леса в масштабе протяженности человеческой жизни существуют, не старея, вечно, если, конечно, не становятся жертвой некой природной катастрофы или разрушительной активности людей. Древние охотники-собиратели не могли нанести лесам существенный урон. Хуже пришлось лесным массивам, когда наши пращурь стали осваивать их под пашни и пастбища. И уж совсем плохо — в индустриальный век, когда начались массовые рубки леса с использованием высокопроизводительных машин. В этих новых условиях лес как автотрофная система уже не в состоянии охранить себя сам, если на его территории лесоводы не организовали то, что еще российские корифеи лесной науки называли правильным лесным хозяйством. Суть его легче

понять, если сравнить лес с надежным банком, а человека — с его разумным клиентом. Последний берет в банке накопленные проценты, но не трогает сам капитал, пополняя его по мере возможности. Это выгодно обоим.

В свое время лесной департамент на каждый рубль, вложенный в государственное лесное хозяйство, имел два рубля чистого лесного дохода в год. Из этой суммы 10 % передавалось органам власти на местах, что стимулировало их интерес к максимизации лесного дохода в окрестных лесах, 60 % отправлялось в бюджет страны на общегосударственные нужды и 30 % оставалось в распоряжении лесного департамента. Этого было достаточно, чтобы поддерживать леса в хорошем состоянии, не истощая их хищническими рубками, и обеспечивать позитивную динамику развития департамента как государственной структуры. О том, как вести именно такое правильное лесное хозяйство, нашими учеными-лесоведами написаны содержательные книги. Те, кто их не читал и тем не менее пытается на свой лад реформировать лесное хозяйство страны, не могут не уподобиться известным персонажам басен И. А. Крылова.

Второй. Это настойчиво фабрикуемое в умах представление о том, что лесов в России якобы так много, что их хватит на всех и на все времена. Наверное, так же думали те, кто не понимал, почему Петр I ввел жесткий запрет на вырубку корабельных лесов вдоль рек. После этого прошли столетия. Корабельные рощи теперь можно увидеть разве что в крошечных заповедниках, а иллюзия о собственном лесном богатстве сохранилась.

В действительности же, как говорил еще М. М. Орлов, Россия богата землями, на которых присутствует древесная растительность, но не запасами древесины, представляющими реальную коммерческую ценность. В расчете на одного человека по запасам такой древесины наша страна значительно беднее Финляндии. В Канаде леса со средним приростом древесины менее 2 м³/га вообще не включают в число предназначенных для систематического использования в качестве источника древесного сырья для промышленных нужд. В России таких лесов подавляющее большинство: из 800 млн га лесной площади для лесопромышленной деятельности у нас доступно по экономическим показателям примерно лишь 200 млн га. И именно эти леса в значительной степени уже истощены и в них продолжаются рубки.

В нашем не очень далеком прошлом, чтобы резко «увеличить» запасы якобы «спелой» и доступной древесины вообще, и хвойных пород в частности, Госплан СССР осуществил следующие административные акции:

1. Вместо объективных и легко проверяемых критериев, на основании которых леса ранее подразделяли на хвойные и лиственные, позволил зачислять в хвойные также те, где эти породы не доминируют, но могут (?) стать преобладающими, если проводить затратные рубки ухода. Это, естественно, не могло не вызвать подвиги цифровых данных лесной статистики из ее реальной сферы в более благополучную сослагательную.

2. Позволил определять расчетные лесосеки (т. е. разрешенное к изъятию количество древесины, при котором не происходит истощение лесов) без их привязки к выделен-

ным лесоустройством хозяйственным дачам (хозяйственным частям лесничеств) с однородными лесорастительными и социально-экономическими условиями. Вместо этого было разрешено: а) определять «расчетные» лесосеки для крупных, явно неоднородных административных структур (даже не для лесничеств, а для лесхозов); б) включать в базу расчетов в виде общей суммы древесных запасов территории с заведомо разными показателями рентабельности лесосечных работ, в том числе площади, вообще не доступные для лесопромышленной деятельности по экономическим причинам. Таким образом, был создан и до сих пор поддерживается выгодный определенным лесозаготовителям и чиновникам миф о нашей сказочно гигантской расчетной лесосеке, используемый в качестве обоснования для вырубki еще оставшихся доступных лесов.

3. Позволил снизить возрасты главных рубок в хвойных древостоях — где на 20, а где и на 40 лет. По экономическим последствиям эта акция была просто самоубийственной. В результате в наши дни 8 субъектов РФ, расположенных в лесной зоне, уже столкнулись с тем, что в их «спелых» хвойных лесах средние запасы древесины оказались ниже, чем в приспевающих, а в двух областях — скатились до уровня средневозрастных.

В рассматриваемом тексте проекта Лесного кодекса от-

© WWF России / Сергей КИЩЕНКО

Россия богата землями, на которых присутствует древесная растительность, но не запасами древесины, представляющими реальную коммерческую ценность

сутствуют законодательные определения, позволяющие положить конец вышеназванной разрушительной практике. Как и раньше, предполагается доверить определение минимальных возрастов главных рубок леса органам исполнительной, а не законодательной власти. А это значит, что имеющие место манипуляции будут продолжаться. В итоге уже в ближайшей перспективе лесной бизнес будет вынужден пойти по следующим вариантам своего развития:

- дальнейшее снижение возрастов рубки хвойных древостоев естественного происхождения. По сути, это рубка лесов до наступления их хозяйственной спелости, а в некоторых регионах (на севере) — и до вступления хвойных пород в фазу активного плодоношения. Сравнить данный вектор развития лесного комплекса страны можно разве что с тяжелой формой наркозависимости;
 - форсированное инвестирование своих и привлеченных ассигнований в ускоренное производство дополнительного количества ценной древесины: а) путем более интенсивного ухода за оставшимися молодыми лесами и б) путем закладки и ускоренного выращивания целевых лесосырьевых плантаций;
 - импорт недостающего количества древесного сырья из других стран.
- Чтобы предотвратить надвигающийся лесосырьевой кризис, необходимо:
- раз и навсегда покончить с самообманом о том, что мы, Россия, являемся якобы крупнейшим в мире держателем доступного для эксплуатации пула дешевого и высококачественного древесного сырья;
 - не использовать при определении расчетных лесосек разведанные запасы экономически недоступной древесины;
 - бережно обходиться с остатками доступных для доходной эксплуатации хвойных лесов России; сохранять их в пер-

вую очередь для нужд своих предприятий; непременно форсировать работы по возобновлению хвойных лесов на свежих и старых вырубках.

О содержании и качестве ПЛК

О проекте нового Лесного кодекса опубликовано множество материалов в разных СМИ. Однако среди просмотренных статей я не обнаружил ни одной, содержащей сколько-нибудь весомые аргументы в его пользу и защиту. Чтобы не повторяться, назову только те особенности проекта, которые представляют, с моей точки зрения, наибольшую опасность для лесного хозяйства и для всего лесного комплекса страны.

1. В кодексе обойден полным молчанием вопрос о необходимости проведения экономической реформы, направленной на искоренение существующего ныне экономического извращения, при котором государственное лесное хозяйство официально продолжает функционировать в режиме тоталитарной и якобы бестоварной экономики, тогда как все остальные секторы лесного комплекса уже давно вошли в рыночные отношения. Тем, кому не понятен скрытый смысл этой искусственно созданной ситуации, поясню, что при ее сохранении наше лесное хозяйство будет вынуждено оставаться в положении экономического импотента, якобы не способного к продуктивной экономической деятельности. Несостоятельность такой позиции совершенно очевидна всем, кто хоть сколько-нибудь знаком с опытом работы лесного департамента России в условиях реальной рыночной экономики, а также с современным опытом экономической организации доходного лесного хозяйства в Литве, Финляндии и других странах. Однако составители проекта Лесного кодекса упорно желают действовать вопреки этому опыту. Почему???

2. Новый кодекс легализует (т. е. делает как бы законным) ускоренное истребление доступных для доходных рубок лесов практически всех групп и категорий защитности. Для такой разрушительной цели в разных статьях проекта предусмотрены:

- *оголую бесплатно передачу разным лесопользователям древесины, получаемой ими при проведении сплошных и выборочных санитарных рубок.* По этому поводу напомним, что в ассортименте вырубаемых деревьев практически всегда присутствуют (или даже преобладают!) стволы, практически не утратившие своей коммерческой ценности, например такие, у которых только закопчена кора у их основания от вызванного разными причинами беглого пожара. В проекте не предусмотрена (нетрудно догадаться, почему) дифференцированная оплата вырубаемых при санитарных рубках деревьев по их реальной коммерческой (рыночной) цене. Это открывает широкие возможности для массовых злоупотреблений, в том числе таких, когда в сплошную рубку (под видом санитарной) назначают древостои — подчеркну еще раз! — в лесах всех групп и категорий защитности;
- *такая же бесплатная передача древостоев арендаторам и другим лесопользователям предусматривается под видом проведения «рубков ухода».* В названном термине намеренно смешаны два разных понятия — рубки ухода за молодняками, при которых получают не имеющий коммерческой ценности хмыз, и рубки промежуточного пользования, при которых получают древесину, имеющую реальную (и не маленькую!) рыночную цену. Такие рубки в проекте тоже названы рубками ухода, которые — подчеркнем — разрешено проводить (т. е. изымать ценную древесину) в лесах *всех групп и категорий защитности и до наступления официально установленного возраста рубок главного пользования. И это все разрешается делать бесплатно;*

• *практически бесплатная передача лесов в рубку* разрешается еще в одном, самом широко рекламируемом случае — *под видом сдачи лесов в так называемую аренду.* Интересно заметить, что это делается под таким лозунгом: пользование лесом должно быть платным. В принципе данный тезис сомнений не вызывает. Он «работает» в других странах теперь и надежно «работал» в России в нашем прошлом, но при условии, что на аукционах продаются отведенные в рубку конкретные древостои с обоснованной расчетной (стартовой) ценой. Однако вместо этого в проекте предусмотрено нечто странное, а именно: *продавать на аукционах права на аренду лесных территорий (!?).* При этом не установлено, кем и как будут определяться стартовые цены на такой разнокачественный внутри себя «товар», что дает основание говорить о формируемой нише для дальнейшего развития коррупции в сфере лесного бизнеса. Нельзя еще не сказать о том, что на арендаторов возлагаются обязанности по ведению лесного хозяйства на полученных во временное пользование лесных площадях. Вполне резонно задать составителям проекта вопрос об основаниях, позволяющих им столь уверенно продвигать указанную новацию в жизнь, да еще в законодательном порядке. Может быть, они проводили в условиях какой-то части России эксперименты и получили хорошие результаты? Тогда почему эти результаты не приобрели широкую известность? К сожалению, должен сообщить о том, что хорошо известны последствия других экспериментов по сдаче лесов в аренду, проведенных в России в двух казенных лесничествах около 150 лет тому назад. Их результаты однозначно показали, что хуже данного варианта организации управления лесным хозяйством нет и быть не может, о чем имеется четкое официальное заключение Министерства государственных имуществ. Зачем теперь нам снова заниматься тем, что уже было объективно оценено и обоснованно отброшено? Какой во всем этом кроется смысл? Может быть, составители проекта превратно истолковали современные данные Счетной палаты России о том, что сдача лесов в так называемую аренду вызвала в стране *многократное снижение получаемых сумм лесного дохода по сравнению с продажей отведенных в рубку участков леса на открытых аукционах?* К сказанному добавлю, что указанный результат отнюдь не случаен и что ранее, во времена НЭПа, *реализованный тогда отказ от распределения леса в рубку чиновниками в пользу продажи его на открытых торгах (аукционах) позволил за один год вдвое увеличить лесной доход страны.* Полагаю, что получение аналогичного результата в наше время могло бы соответствовать тому, к чему теперь призывает президент страны своих министров.

Предложения

Просить Федеральное Собрание:

1. Направить проект Лесного кодекса в Счетную палату РФ для определения вероятных потерь страны в случае, если данный текст приобретет силу закона РФ.

2. Решить вопрос о незамедлительной реализации предложения председателя Совета Федерации С. М. Миронова о разработке *Национальной лесной комплексной программы (лесной политики России)*, основанной на балансе интересов разных лесных отраслей и страны в целом. Привлечь к разработке такой *крайне важной* для страны программы высококвалифицированных российских ученых и (непременно!) ученых из других стран с развитой социально ориентированной рыночной экономикой. Принять названную национальную программу как «рамочный» федеральный закон и уже затем, в его развитие, возобновить работу над Лесным кодексом.

